

Евгений Салиас-де-Турнемир

Пандурочка

Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир

Пандурочка

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2370785*

Аннотация

Следует подчеркнуть одну особенность в творчестве Салиаса. За какой бы жанр он ни брался, он не мог писать скучно. <...> В поэтике Салиаса, часто строящего интригу повествования на историческом анекдоте, на курьезе, на случайном происшествии («Пандурочка», «Мадонна», «Сенатский секретарь» и т. п.), можно увидеть черты, роднящие его с будущими акмеистами или мирискусниками. Творчество Салиаса в этом аспекте оказалось своеобразным связующим звеном между ранней классической исторической прозой Бестужева-Марлинского и Загоскина и историческим модерном Мережковского, Кузмина и Садовского.

Содержание

I	4
II	11
III	19
IV	25
V	32
VI	41
VII	47
VIII	53
IX	60
X	67
XI	74
XII	77
XIII	80
XIV	83
Комментарии	87

Евгений Салиас

Пандурочка

Исторический рассказ

I

Верстах в тридцати от города Кирсанова, в глухом месте, с трех сторон окруженном дремучим лесом, стояла усадьба Кузьминка. Барский дом и надворные строения помещика средней руки отличались тем, что были совсем новые, как бы с иголочки.

Кузьминка не была старинным родовым именем. Два года тому назад на этом же месте был лишь поселок в четыре двора и полная лесная глушь, где зимою бродили волки стаями.

Капитан пандурского полка¹ в отставке, Кузьма Васильевич Карсанов, купил у товарища по полку пятьдесят душ крестьян и стал строиться, но не там, где была деревня, а в шести верстах от нее, на клочке земли, принадлежавшем к

¹ ...пандурский полк. – Так назывались воинские части, образованные при Елизавете Петровне, по подобию иррегулярного войска, созданного ранее в Венгрии и одетого и вооруженного на манер турок. В России пандурские части были расформированы в 1764 г.

тому же имению и где был выселок в одиннадцать душ.

Здесь пандурский капитан быстро выстроил дом и службы, разумеется, умышленно выбрав глухое место. Обстоятельства его жизни сложились так, что он искал полного уединения.

Пандур, сделавший три кампании, отличавшийся во всех встречах с неприятелем, а дрался он и с немцем, и с туркой, и со шведом, был два раза ранен и уже пятидесяти шести лет вышел в отставку. Разумеется, Кузьма Васильевич – бра- вый офицер, воин по призванию и склонностям характера, остался бы служить царице до последнего издыхания, если бы в его жизни не приключилось нечто чрезвычайное.

Всю свою жизнь капитан учил солдат военному артику- лу, почти всю жизнь воевал, начав военное поприще еще во дни императрицы Елизаветы, и ни разу за всю свою жизнь не позволил себе увлечься чем-либо посторонним военному делу. Что касается до женщин, то они для капитана совсем не существовали. Когда ему говорили про прекрасный пол, он отвечал, брюзжа:

– По-моему, его бы звать «подлый пол»!

И капитан горячо доказывал, что все гадости на свете про- исходят от женщины.

– Кабы не баба – на земле бы рай был, как на то указывает Священное писание.

– Что вы! Что вы! Откуда вы это взяли? – изумлялись со- беседники.

Когда Карсанову было уже за сорок лет, он был извещен, что его товарищ и друг, убитый на войне, назначил его по завещанию своим душеприказчиком да вдобавок опекуном дочери-крошки лет двух.

Делать было нечего. Пандур занялся делами и девочкой-сиротой. Разумеется, он оставался в полку и заглазно управлял ее маленьким именьицем в Воронежской губернии, а ее самое тоже заглазно передал на воспитание и попечение своей дальней родственнице. И только спустя десять лет, посланный по делам службы в Воронеж, он заехал поглядеть на свою питомицу.

Двенадцатилетняя девочка удивила капитана. Она была и красива, и умна, и бойка удивительно, только чересчур мала. Ей казалось лет семь или восемь, так что если еще и подрастет немножко, то все-таки будет карлицей.

Однако, прожив месяц у родственницы, старик пандур привязался к сироте. Вернувшись в полк, он чаще писал старухе, чаще справлялся о питомице, а через два года опять поехал в Воронеж уже исключительно за тем, чтобы поглядеть, подросла ли маленькая Аннушка. Оказалось, что девочка подросла, стала еще красивее и умнее и еще бойчее. Но ростом... чуть не бирюлька⁴!

В этот приезд Карсанов пробыл месяца два и окончательно привязался к Аннушке, не отходил от нее ни на шаг, но, однако, странное, не отеческое чувство овладело им.

⁴ *Бирюлька* — мелкий деревянный предмет для старинной русской игры.

За несколько дней до того, как приходилось снова возвращаться в полк, семидесятилетняя старушка-родственница объяснила Кузьме Васильевичу, что ему придется озаботиться судьбой питомицы больше, чем когда-либо: придется ее взять к себе.

– Зачем, матушка сестрица?

Капитан всегда величал так родственницу. Старушка объяснила:

– Я умирать собираюсь, и скоро. Стало быть, лучше бы вам ее с собой теперь же взять.

На решительный отказ Карсанова старушка настаивала, говоря, что с кем же девочка останется, когда она помрет. Капитан объяснил старушке, что она может еще прожить смело лет десять – пятнадцать. Старушка обиделась:

– Что же ты меня за лгуницу, что ли, считаешь? Говорю я вам, через неделю Богу душу отдам. Я, слава Богу, никогда во вралихах не была.

Капитан перестал спорить, но все-таки продолжал собираться в дорогу. Видя это, старушка настояла, чтобы родственник обождал до следующего вторника.

– Да зачем, матушка сестрица?

– А затем, батюшка братец, что под вторник или в самый во вторник на заре я помру. Ты меня похоронишь, а Аннушку с собой увезешь поневоле.

«Ну, старуха, – думал капитан, – упряма!» Нечего делать, пришлось остаться Карсанову до вторника, надеясь,

что старуха его не заставит ждать опять своей предполагаемой смерти до следующего вторника и что можно будет выехать. Однако Карсанов ошибся.

Пришел вторник. Старушка была в добром духе и после полудня, сидя и вышивая в пяльцах, кротко пересмеивалась с сидевшей около нее девочкой. Обе они были заняты важным делом: работали наперегонки. Аннушка наматывала клубок шерсти, а старушка доканчивала какой-то листок по канве. Ради шутки они условились, что кто кого перегонит, выиграет крымское яблочко. Бойкая и шустрая Аннушка спешила из всех своих сил размотать шерсть, чтобы обогнать бабушку и получить румяное яблочко, соблазном лежавшее на столе.

– Готово! – воскликнула она наконец, вскочив с места и держа клубок над головой.

– Умница! – произнесла твердо старушка. – Но вот... Вот и у меня... – тише сказала она, выпрямляясь от пялец и прислоняясь к спинке своего кресла.

Аннушка поглядела... И действительно, зеленый листик был тоже окончен.

– А все-таки же я первая! – вскрикнула она. Бабушка ничего не ответила. Аннушка испугалась:

«Неужели бабушка надует, заспорит!»

– Ведь я? Я? – опять спросила девочка, но бабушка продолжала сидеть молча и смотреть на нее какими-то чудными глазами. Потом она склонила голову набок, да как-то удиви-

тельно. Голова все повисала и повисала и так совсем повисла, что ухом почти легла на плечо.

Старушка доказала в последний раз, что никогда в вриалихах не была.

После похорон волей-неволей капитан, смущаясь, все-таки взял питомицу и с ней вместе выехал в полк.

II

Поселившись вдвоем в маленьком городке, где стоял пандурский полк, Кузьма Васильевич и крошечная Аннушка зажили весело и обожали друг друга. Капитан в питомице души не чаял, она же любила его не меньше своих кукол и звала «Кузинькой», причем целовала его всякий день столько же, сколько и свою любимицу, фарфоровую Машу во французском платье, которую ей выписал капитан из Москвы, уплатив целых десять рублей. Недаром Маша на корабле в Питер приехала и оттуда в Москву попала.

Не прошло, однако, и году, как Карсанов получил свой «абшид»⁵, но по собственному желанию. Он выехал с питомицей в дальний путь, через месяц был в городе Кирсанове и уже покупал маленькое именьеце. Капитан решил, что ему, Карсанову, надо жить в Кирсанове или поблизости. Но здесь произошло главное событие его жизни: он женился на своей питомице, которой еще не хватало двух месяцев до полных пятнадцати лет.

Когда Кузьма Васильевич разъяснил Аннушке, каким способом она может его осчастливить, и сделал ей предложение, то она бросила куклы и прыгала чуть не до потолка. Выйти замуж, да еще вдобавок за «Кузиньку», ей представ-

⁵ Получить «абшид» – выйти в отставку.

лялось таким веселым, таким прелестным, что занятнее, конечно, ничего не выдумаешь.

– А долго это будет продолжаться? – спросила она.

– Что такое?

– А вот, наша свадьба?

– Самая свадьба около часу.

– А потом я долго буду вашей супругой?

– Всю жизнь.

– И меня барыней будут звать, Анной Семеновной?

– Понятное дело.

– И тоже на всю жизнь?

– Тоже.

– На всю жизнь! – воскликнула Аннушка и стала прыгать еще пуще.

Справив скромно свою свадьбу в городе Кирсанове, капитан занялся устройством своего будущего местожительства. Стройка пошла быстро, и осенью он уже переехал в новую усадьбу, при которой только еще не было служб.

И вот теперь минуло уже почти два года с тех пор, что капитан женился на пятнадцатилетней девушке, которой тогда на вид можно было дать и двенадцать. Теперь Аннушка стала немножко повыше и немножко круглее, но все-таки по своей миниатюрности с трудом могла в глазах всякого почесться замужней женщиной. Диковинно она была мала.

Однако за эти два года много воды утекло. Анна Семеновна начала скучать среди леса дремучего, изредка плакать и

убиваться, собираясь бежать то в монастырь, то на край света, а чаще всего в прорубь речки за садом. Капитан волновался, тревожился, боялся этих угроз, так как притворства в Аннушке не было. И несмотря на то, что он был страшно ревнив, он решился несколько раз выехать с женой из своего гнезда в Тамбов, а два раза в Москву и, наконец, однажды обещал жене вскоре собраться к святым угодникам в Киев помолиться о даровании им потомства.

Эти путешествия перевоспитали маленькую капитаншу, принесли ей пользу, а капитану один вред, ибо после каждого путешествия Аннушка еще более скучала в усадьбе среди леса. Понятно, что она кое-что сообразила, сначала неявно, потом яснее, и стала досадовать на себя. Вспоминая, как прыгала она при известии, что выйдет замуж за Кузьму Васильевича и станет барыней, она понемногу пришла к раскаянию, пеняла на него и на себя, а вскоре начала втихомолку плакать горько и неутешно. Теперь она уже отлично поняла все, понимала, что не только не следовало ей никогда выходить за Кузьму Васильевича, но и ему, старику, не следовало и даже грех было на ней жениться, будучи на сорок лет старше ее.

Состоявшаяся среди лета поездка в Киев подлила масла в огонь. Не до молитвы было Аннушке. И наконец, к довершению всех зол, особый случай, по дороге из Киева обратно домой, окончательно пересоздал капитаншу, если не совсем с ума свел. Да и было отчего...

Верстах в семидесяти от Киева они должны были остановиться поневоле на станции среди степи. Тут было много народа, съезжих с двух концов дворян. Все застряли. Лошадей почтовых никому не давали, так как ожидался проезд главнокомандующего русской армией по пути в пределы турецкие. Ехал сам светлейший князь Григорий Александрович Потемкин!

Капитанша несказанно рада была увидеть знаменитого вельможу, про которого муж много и часто рассказывал ей. Сам Карсанов был тоже очень доволен неожиданным случаем представиться и даже представить жену, благодаря исключительной обстановке и особым, все упрощавшим обстоятельствам. В маленькой деревушке среди степи какой же может быть этикет?

И действительно, при появлении на станции именитого и славного любимца государыни, заслуженный пандур не только представился с женой, но был обласкан вельможей и приглашен в числе прочих проезжих дворян к столу, то есть к завтраку, который был, конечно, сервирован так, как если бы все находились в Петербурге, а не среди степи. Не только дивная посуда и серебро явились, как по манию волшебника, не только угощение было по-царски роскошно, но даже всякие редкие заморские вина полились рекой. Недаром за экипажем вельможи двигалась целая вереница фургонов с прислугой и провиантом. Но этого мало. Светлейший почему-то посадил около себя именно капитаншу, и угощал ее

предпочтительнее, и любезничал с ней сугубо.

Старый пандур, как ревнивец от природы, сидя несколько в отдалении, приглядывался и краснел от удовольствия, но и от боязни, что жена будет очарована. Он, конечно, не знал, да и никто на его месте не мог бы предположить, что вельможа, падкий на прекрасный пол, остановился здесь лишних два-три часа исключительно затем, чтобы полюбезничать с женщиной-крошкой. А крошка эта именно сразу ему сильно приглянулась своей редкой миниатюрностью, и он ее прозвал уже тотчас «пандурочкой».

Впрочем, в данном случае ревновать было нельзя – и неудобно, и бессмысленно. Благосклонность вельможи не могла быть истолкована в дурную сторону, так как через час-два вельможа двинется далее, по пути... чуть не на край света, во всяком случае на край России, к границе Турции.

Приближенные князя знали и понимали больше пандурского капитана и крошечной капитанши. Они знали, что завтрак на этой станции не предполагался и что его вдруг по неожиданному приказу кое-как с трудом состряпали. Но близкие люди, и свита, и прислуга, давно привыкли к своему обожаемому князю и ко всем его «чудесам». Сегодня он из-за прихоти всех и все кверху ногами перевернет, а завтра сам удивится и спросит:

«Что такое приключилось? Кто таковое приказал? Я же?! Да что вы на меня все поклепы взводите! Идолы!»

И приближенные сообразили, конечно, тотчас, что краси-

вая и крошечная не то женщина, не то куколка, оказавшаяся семнадцатилетней капитаншей, женой пандурского офицера с шестым десятком лет на плечах, заинтересовала среди тоски и однообразия дальнего пути их всевластного и прихотливого повелителя.

– Вот так пандурочка! – воскликнул он. – Никогда еще такой крохотули не видал. Тринадцать лет дать нельзя. Подавать завтракать. Поспеем. Турка от нас не уйдет!

И около станционного дома на лугу вдруг состоялось пирование. Всех дворян позвали к столу, но «стола» не было, ибо такого большого, на тридцать человек, никогда в этих краях и не бывало. На траве были разостланы ковры, и все уселись кругом, как кто мог удобнее и вежливее.

– Не бойсь, государи мои! – восклицал весело хозяин, радушный и приветливый. – Не стесняйте себя... Турки всегда так кушают... Ноги под себя, а не набок. Вот так...

Приглашенная Анна Семеновна Карсанова, сидевшая на ковре около могучей фигуры князя, казалась совсем такой куколкой, которую он мог бы легко спрятать у себя за пазухой. Долго ли продолжался завтрак и что говорил ей вельможа, как и о чем он шутил, капитанша не помнила, потому что была как в чаду.

Она очнулась вполне только тогда, когда все, как наваждение какое-то мимолетное, – вдруг исчезло из глаз ее, а сама она сидела в тарантасе около мужа... А кругом была пустота, голая степь.

Где же этот красавец великан, его чудные глаза и чудный голос, проникающие в сердце, волнующие его какой-то еще не изведанной сладостью. Неужели это больше никогда не повторится? Да и было ли оно?

Встреча с именитым вельможей, который обладал даром очаровывать всех женщин без исключения, разумеется, сделала то, что пандурочка, вернувшись в свою глушь – в Кузьминку, среди дремучего леса, окончательно стала чахнуть. Она стала жить воспоминаниями о своем путешествии в Киев и завтраке с вельможей. «Он и Кузьма Васильевич?!» – думала и восклицала она наедине.

Разумеется, теперь она знала уже верно, что ее собственное существование – каторга. Остается ей лишь одно: скорее руки на себя наложить.

И это случилось бы, если бы не появилась старая Макарьевна, толстая и здоровенная женщина, вольноотпускная, побывавшая в Москве в нянях, и такая умная, перед которой Кузьма Васильевич сам пасовал. Видавшая всякие виды, знавшая, как люди живут на свете, Макарьевна рассуждала не хуже любой важной дворянки-помещицы.

Себе на шею и как на грех нанял ее теперь капитан в Тамбове, чтобы супруге было с кем душу отвести в беседах. И Аннушка немного ожила.

За одно только слово сразу полюбила она старуху. Макарьевна сказала ей как-то вскоре по приезде, что Кузьма Васильевич Аннушке не в супруги годился бы, а в дедушки. За

этакое золотое слово капитанша, конечно, через полчаса уже висела у нее на шее и целовала ее морщинистые щеки.

Вскоре она стала обожать старуху, и обе с первых же дней не расставались ни на минуту.

Однако Макарьевна сумела так себя поставить в доме, что если барыня Анна Семеновна ее обожала, то и барин Кузьма Васильевич тоже ее полюбил. Впрочем, Макарьевна старалась всегда поглядеть, хорошо ли и плотно ли приперта дверь их комнаты, где она с молодой барыней беседовала шепотом и толковала обо всем том, что творится на свете, и о том, как добрым людям на белом свете жить следует.

Эти беседы шестидесятилетней старухи с молодой женщиной кончились тем, что обе печаловались, как мудрена ее, Аннушкина, жизнь. Но поделаться ничего нельзя. Руки на себя наложить – глупо и рано. Надо другого какого выхода ждать. Жизнь всю так прожить нельзя. Все равно от тоски зачахнешь и на тот свет уйдешь. Надо терпеть и ждать. Может, что и навернется. Мало ль что на свете приключается. В сказке не рассказать, что наяву, глядь, потрафилось... Таково просто, а миру на аханье.

Однако Анна Семеновна все-таки постоянно, раза по два в неделю, чтобы душу отвести, грозилась мужу утопиться в той проруби на реке, где для хозяйства воду берут.

III

Не в русских пределах, хотя в единой Руси-стране, ярко белеется и будто блестит маленький городок без садов, без растительности кругом, утонувший среди голой степи, раскаленной солнцем, кажется одиноким, затерянным, как корабль среди моря. Но если пустынно все кругом, то в самом городке многолюдство, движение. Вид городка совершенно необычайный, каким он не может быть всегда, а может быть только временно, вследствие чрезвычайных обстоятельств.

Действительно, обстоятельства эти незаурядные – война.

В городке главный штаб победоносной армии. А какой и чей штаб? Главнокомандующего князя Потемкина.

В небольшом, но все-таки самом большом доме городка теснится, движется и суетится настоящий муравейник, но не серый, а яркий, сияющий, всех цветов радуги, и блестит в лучах солнца, пылающего над окрестностью и всей южной страной.

Десятки и даже вся сотня разнообразнейших мундиров придает этой суетне особый отпечаток чего-то высокого, едва достижимого для всех обывателей. Еще серее, убожее кажутся эти обыватели, в числе которых нет русских. Тут и турки, и молдаване, и евреи.

В уютной комнате этого дома лежит на диване в одном

легком халате из шелковистой ткани большой и грузный человек с босыми ногами, с обнаженной грудью и с голыми руками, потому что рукава по плечи засучены.

Уже дня четыре валяется он так...

Жара и духота измучили его. Но главное не в этом. На него напала обычная периодическая хворость. Имени ей нет, и назвать ее нельзя, объяснить тоже нельзя, можно только рассказать. Хворость в том, что нигде не болит, тело здорово, но дух томится, изнывает. Если болит что, так разве сердце, да и не болит, а болеет о себе, о других, обо всем мире.

«Не стоит жить на свете! Все суета. Марево! Умереть страшно, а то ни за что бы жить не стал. Люди глупы и злы; друзья – одни предатели; враги неумолимы и беспощадны. Одна надежда на нее, да и она – человек. И она – самодержица над миллионами, сама подвластна невидимке – клевете. Не стоит жить и, пожалуй, лучше умереть! Стоит прожить еще самую малость, чтобы успеть уничтожить полумесяц, выгнать турок из Европы, снова назвать Константинополь Царьградом и, отворив его русским войскам, положить основание новому византийскому царству с новым царем Константином, ее внуком, теперь младенцем. Только из-за этого и стоит еще немного прожить, а то бы сейчас умер с охотой».

Так рассуждает, хворая, тоскуя и мучась духом, всемогущий вельможа, Григорий Александрович Потемкин. От этой хворости нет лекарств. Надо обождать, чтобы немощь сама прошла.

Между тем, пока валяется он на диване, все стало кругом, нет ответа ни на какой важный вопрос. Из дома не выходит и не уезжает ни один курьер, тогда как этих курьеров во многих местах ожидают с нетерпением. Даже иная осажденная крепость неприятельская еще держится, еще не взята штурмом, потому что Григорий Александрович думает о том, что не стоит жить.

В соседних комнатах, в маленькой зале, на лестнице и вокруг крыльца на улице, вся эта залившая домик толпа, пестрая, разноцветная, золотая и серебряная, кишит муравейником, рассуждает вполголоса, или шепчется, или только переглядывается. И у всех на языке, у всех даже на лице только один вопрос:

– Ну, что?

И у всех только один ответ:

– Все то же...

– Не прошло еще?

– Нет, не прошло.

– Что сказывают?

– Сказывают, еще денек-два протянется, не больше.

Четвертые сутки тоже прошли так же, но на пятый день около полудня Григорий Александрович глядел еще суровее, но менее грыз ногти, реже вздыхал тяжело, а главное – приказал подать чулки и туфли. Стало быть, он не будет больше лежать, а будет снова по своей комнате. Это начало выздоровления. Будет еще один «встряс», быстрый и бур-

ный, как всегда, но зато уже как последнее проявление хворости. Этот припадок, или «встряс», как выражаются приближенные, всегда внезапен, всегда разный, но равно странный или даже диковинный, иногда совершенно непонятный для окружающих. Для глупцов этот финал безыменной хворости – самодурство прихотника, но для умников загадка, задача.

Наступил шестой день.

– Приказал подать одеваться!

– Одевается! Одевается!

– Прошло. Прошло. Слава Богу!

Слова эти облетели домик, достигли крыльца и побежали по улицам городка. И все ожило. Все просияли.

Одевшись, князь сел в любимое кресло, приехавшее вслед за ним из Петербурга. Он задумался, но лицо было ясное.

И через полчаса закипела работа, начались доклады, приемы, приказы, подписи и распоряжения государственной важности. Уже в сумерки, сбыв дело с рук, князь вдруг ухмыльнулся и приказал:

– Позвать Девлетку!

Офицера князя Девлета-Ильдишева не оказалось в зале. Посланный разыскал офицера на дому, где он обливался в сарае ключевой водой. Молодой человек, лет двадцати пяти, с удивительным искусством в пять минут оделся в полную форму – привычка великое дело – и чуть не бегом пустился к дому главнокомандующего. Не прошло, конечно, полчаса

после требования вельможи, как камердинер уже докладывал ему:

– Князь Девлет-Ильдишев.

Между тем молодой князь в зале, окруженный кучкой офицеров и двумя генералами, любезно кланялся и здоровался. Его все знали, все любили, потому что, добрый малый сам по себе, он, вдобавок, с некоторых пор начинал как будто делать быструю и блестящую карьеру. Все замечали, что главнокомандующий все более его к себе приближает и молодой князь становится будто любимцем.

Впрочем, этому офицеру как бы пристало быть фаворитом высокопоставленного лица или даже временщика. Если, указав на него, объяснить, что он фаворит всемогущего вельможи, то никто бы не удивился, и это благодаря только наружности молодого человека.

Князь Девлет-Ильдишев был настоящий типический красавец христианско-мусульманских пределов, то есть кавказец по происхождению. Будучи сыном и братом двух знаменитых красавиц города Тифлиса, он не уступал им обеим ни в чем, скорее делал им честь. Оригинальный, строго правильный профиль, чистый, матовый цвет лица, гладко выбритого, чудные черные глаза с синими белками, красивое сложение и стройность, наконец, что-то приветливо-доброе и правдивое во взгляде и улыбке – все делало из князя Девлета настоящего красавца.

Через минуту офицер стоял уже навтыяжку у дверей ком-

наты, где сидел в креслах главнокомандующий. Потемкин смотрел на офицера молча и весело улыбался. Ему нравился этот молодой, красивый и изящный кавказец, вдобавок ловкий и сметливый, отлично исполняющий всякого рода поручения.

Видя довольное и веселое лицо князя, офицер выговорил, тоже улыбаясь:

– Что прикажете, Григорий Александрович?

Это обращение, часто поражавшее окружающих и свидетельствовавшее о близости отношений главнокомандующего к офицеру, было, однако, результатом простой случайности и простой прихоти.

Однажды, случайно, князь приказал офицеру никак не титуловать его, так как это замедляет всякий разговор, да, наконец, и надоедает слуху. Он приказал ему говорить просто «Григорий Александрович», без всяких титулований и даже избегать повторять слишком часто и имя с отчеством.

IV

Князь, помолчав и подумав, заговорил:

– Скажи, Девлетка, я знаю, ты – красавец. Знаю, что прыток. Знаю, что дураком не бывал, но скажи, бывал ты когда в дураках?

Офицер ежился, ибо отвечать «не могу знать» было запрещено.

– По сию пору, сдается, еще не бывал. Но все же если в одних делах я не дурак, то в других делах, может, окажусь совсем дураком.

– Хочу я тебя послать с поручением важным. И не близко: к черту на кулички. То бишь вру. От черта на куличиках, где мы теперь, в христианские места, в Тамбовскую или Воронежскую губернию. Дорогу найдешь? – улыбнулся Потемкин.

– Найду-с!

– А дело справишь мое?

– Какое дело? Постараюсь справиться всякое. А что Бог даст.

– Надо мне, видишь ли, привезти сюда российскую луну. Обождавши там, в Тамбове или в Воронеже, пока народится новый месяц и станет подниматься с земли на небо, в эту самую пору подпрыгнуть, ухватить его, запрятать в карман и привезти. Хочу я поглядеть, похож ли российский полуме-

сяц на здешний – турецкий. Можешь?

Офицер, уже привыкший к вельможе, усмехнулся и вымолвил:

– Попробую!

– Случалось тебе когда месяц с неба хватать и в карман класть?

– Нет-с, еще не приходилось. Да это что? Попробую. Только за удачу не отвечаю. Впредь прошу не гневаться, если обмахнусь.

Потемкин рассмеялся и вымолвил, помолчав:

– Вот что, голубчик Девлетушка, если послать тебя луну ловить, то ты хотя ее и не поймаешь, то за это тебе ничего не будет. Никто не рассердится на тебя, не побьет, не убьет и даже не тронет. Я даже не трону. А вот приходится мне тебя послать за иным делом: словить и украсть некое махонькое красное солнышко. А за это тебя могут пришпилить, уходить тебе, что стерегут это солнышко. Не побоишься?

– Никогда ничего не боялся! – быстро, смело и как-то горделиво ответил офицер.

– Ну, так слушай, Девлетка! Расписывать не стану, скажу кратко. Стало, всякое слово лови и зарубай на носу. Был я проездом из Питера среди степей Малороссии, приехал на станцию, где из-за меня видимо-невидимо в дороге народу сидело. Кто из-за нехватки лошадей, потому что всех забрали под меня, а кто из-за любопытства поглядеть на Гришку Потемкина. Ну, вот я на этой станции лошадей тотчас не пе-

ременил, а остался на целых три часа кушать и беседовать. Всех дворян пригласил к себе и угощал среди поля около станционного дома. Да. Вот сказал, что расписывать не буду, а сам принялся, как баба, к делу примешивать пустяковину. Слушай. Промеж дворян был пандурский капитан в отставке, с женой. Пойми, глупый! Он у нее в отставке, а не она у него. И любопытны показались они мне! Ему под шестьдесят, а она, ей-ей, писаная красавица. Думал я – дочь, а то и внучка, а она – законная жена. А ей хоть и семнадцать лет, а уже года два замужем. Вот из-за нее я и угощал дворян, а угощая их, больше все с пандурочкой беседовал. И за это время узнал я, что она смотрит на капитана и на свое супружество, как волк, прикормленный на деревне, в лес смотрит. Понял я из наших бесед с нею, что не только ко мне согласится она убежать, а хоть к кому ни на есть. Так ей сладко. Хотел я тогда же, позапоздав на станции, приказать ее выкрасть. Да тут прискакал курьер из Петербурга и привез от государыни такое письмо, что было не до пандурских супружниц. А затем из головы выскочило. И вот прошлую ночь, во сне ли, наяву ли, – наваждение. Пришла она в мою опочивальню, плачет да говорит: «Нехорошо, Григорий Александрович. Обещались меня из-под неволи моей высвободить, а сами занимаетесь пустяками разными и о важном деле не помните. А важное дело – это, самое важное на Руси, то, что я мучусь с моим капитаном...» Точно колдовство или прямо наваждение. Ну вот, понял ты, зачем я тебя позвал?

– Понял, Григорий Александрович! Съездить и выкрасть.

– Вишь, какой прыткий... Этого мало!

– Приказывайте, что еще?

– А еще то будет: себя и ее уберечь, доехать и доставить.

Пандур-то этот по виду из таких, что запросто жены никому не уступит. Попадешься, он тебя пристрелит, не боясь ни меня, ни Сибири. А ее потом изведет. И тебя-то мне жаль, да и ее-то жаль. Стало быть, не сказывай «съездить да выкрасть», а съездить, поорудовать с опаской, и если Бог поможет, то благополучно вернуться, доставить живую и невредимую. Сначала поищи в Воронежском наместничестве, потому что я таково туманно помню, что она про Воронеж говорила больше, а про Тамбов меньше. Ну, вот...

– Слушаю-с, – отозвался Девлет. И вместе с тем он, видимо, хотел сделать вопрос и, быть может, не один, но смущался и как-то топтался на месте. Он не знал, что сделать, выходить или решиться спросить.

Потемкин понял выражение лица офицера.

– Ну, сказывай. Чего?

– Обе оные губернии обширны, Григорий Александрович.

Если б вот вы вспомнили...

– А!.. Тебе бы хотелось, чтобы всякая губерния была с наперсток. Небось хочешь у меня спросить, в каком месте, близ какого города и в какой усадьбе или вотчине проживает моя пандурка? Так ли?

– Точно так! – несколько робко отозвался князь Девлет.

– Вишь какой догадливый! Кабы я это знал, так давно бы с этого начал. Порыщи. Все-таки наместничество – не Африка. В месяц, в два, а по-моему и недельки в три, можешь разыскать. Такой другой пары во всех наместничествах быть не может. Он капитан, и пандур, и старый, а она крохотуля, писаная красавица и ему во внучки годится. Коли не найдешь, дурак будешь. Коли не привезешь, так прапором на всю жизнь и останешься, в люди не выйдешь. А привезешь – проси, чего хочешь, с одним исключением – не мое место, не мою должность главнокомандующего. Ну, с Богом, в путь. Буду ждать через месяца два и награду заготовлю...

Когда офицер появился снова в комнатах, переполненных свитой, его тотчас окружили. Когда же он заявил, что выезжает курьером по важному делу и секретному, все ожились еще пуще. Стало быть, деятельность совсем пришла, снова начнутся важнейшие поручения и приказания и снова вслед за офицером поскачут курьеры в разные стороны.

Разумеется, молодой человек ни слова никому не сказал о характере своего поручения и даже не сказал, куда едет, объяснив только, что в свои пределы, российские, и поблизости Москвы.

Князь Девлет-Ильдишев зашел в канцелярию, спросил правителя и наперсника вельможи – Попова⁶. Уехать, не

⁶ ...*Попов* Василий Степанович (1740/45–1822) – действительный тайный советник (1807 г.), член Государственного Совета (1810 г.), был до конца жизни Потемкина его доверенным лицом и секретарем в чине генерал-майора.

посоветовавшись с этим человеком, было неосмотрительно. Василий Степанович Попов, фаворит князя, был умный, тонкий и хитрый, но самолюбивый человек. Он был во многих случаях важнее самого князя Григория Александровича, в особенности для маленьких людей. Его любимая поговорка была: «До Бога далеко... Молись больше святым угодникам да приговаривай: моли Бога о нас. Угодников много, а Бог-то один. Где ж Ему с ними...» А главное, не терпел он тайн и секретов князя с другими, желал все знать, что затевается и творится около вельможи.

А князь расскажет почти всегда сам все Попову, так лучше раньше забежать и рассказать, какое дано поручение...

– Помню, помню эту карлицу! – заявил Попов на объяснение Девлета. – Смазливенькая. Да и диковинно мала. Так мала, что уж совсем бы не для нашего Григория Александровича. И смех, и грех! Ей-Богу.

И он начал смеяться.

– Этим ведь и понравилась, поди, что совсем неподходяща. А найти, дорогой мой, будет немудрено. Старый пандур с женой-карлицей! Всякий укажет. Другой такой пары, – прав князь, – во всей России не найдется. Только берегись, дорогой, этого пандура. Не укусит, а съест.

– Бог милостив, – отозвался Девлет.

– На этакие дела не след бы и быть ему милостивым.

– Да ведь я не для себя. Свыше приказ. По службе! – извинился Девлет.

– Да. Тоже служба! – двусмысленно улыбнулся Попов.

V

Пандурский капитан наконец убедился и сам, что напрасно съездил на богомолье в Киев. Он просил киево-печерских угодников о двух вещах: послать ему наследника и снять тоску и грусть с души его маленькой супруги. Прошло уже более четырех месяцев с их возвращения, а Аннушка не «зачала». Зато она начала тосковать, по-видимому, еще более прежнего. Макарьевна всячески старалась ее развлекать, обещала капитану с неделю на неделю, что барыня повеселеет, но Кузьме Васильевичу казалось, что старуха ошибается, да и не так за дело берется.

Подслушав однажды тайком и случайно два разговора Макарьевны с женой, пандур даже рассердился и стал ей выговаривать:

– Что же это вы, сударыня, глупости какие вчера и с неделку назад моей супруге выкладывали! Первое дело, все описуете молодцов разных, каких видали, да как они пляшут, да как чужих жен ворожат, а то и крадут... А вчера-то что вы такое измыслили. Что вы, мужчина разве, чтобы знать в точности обязанности супруга. Всяк в этом по своему характеру, здоровью и телосложению поступает. И опять надо сказать – мне шестой десяток. Требовать от меня расторопности, как от двадцатипятилетнего мужа, нельзя. Да и разговоры эти не только не скромные, но и вредительные для

нашего супружеского согласия. Вы еще, пожалуй, внушите Аннушке, что и в бесплодии ее – я причиной... Вы замужем не были, то всего досюда касательного знать и понимать не можете. Брак – таинство, и не состоявший сам в браке постигнуть, стало быть, всего, в нем сокровенного, не может и обучать супругов тот не в состоянии. Я полагаю, что я муж изрядный, и большего от меня требовать нельзя... Да и Аннушка не требовала и не требует... А вы вот науськиваете и сочиняете... Прямо сочиняете... Слышал я, что вы про какого-то московского кирасира расписывали, у коего якобы одиннадцать человек детей от жены и семеро от двух любовниц. Враки это! А если бы такое и было, то не след Аннушке это знать. Всяк на свете должен довольствоваться тем, что имеет, и на чужой каравай рта не разевать.

Макарьевна на эту отповедь капитана ничего не ответила, а решила мысленно еще осторожнее беседовать с юной барыней.

Выпал снег. Наступила зима и первопуток. Жизнь в усадьбе, конечно, все-таки шла своим чередом и была, по словам Макарьевны, «хуже монастырской». Уж если ей, старухе, было от скуки «тошнехонько», так чего уже требовать от жены семнадцати лет, жены старика. Одно только удовольствие и было: гадать на картах, так как в них выходило что-то диковинно хорошее для Аннушки, да не на сердце и не в головах, а на пороге.

И однажды, в октябре, вечером, часов около восьми, в яс-

ную и тихую погоду на дворе усадьбы кирсановского помещика Карсанова произошло нечто особенное, приключился редкий случай. Во двор въехала кибитка тройкой. Это случилось не более раза в месяц. Помещики соседние не любили заезжать к угрюмому, суровому ревнивцу, а двое из тамбовских молодых помещиков так были приняты пандуром, что дали себе слово никогда больше к нему ноги не ставить.

Разумеется, появление кибитки взволновало всех от мала до велика: от самого помещика до ребятишек дворни. Из кибитки вылез старик с седой бородой и, войдя на крыльцо, объяснил дворецкому, что просит доложить господину капитану о его беде и причине заезда.

Он купец липецкий с сыном, по фамилии Пастухов. С ними приключилось в дороге лихое дело. Вывалили их, нагнавшись на пенек, и упали они оба. Ему, старику, ничего не приключилось, а сын зашиб грудь и ногу, да так, что двинуться не может, а до города Тамбова ехать далеко.

Купец Пастухов просил, одним словом, барина-помещика из милости и ради человеколюбия позволить у него переночевать до следующего утра.

Через минуту капитан принял седого, благообразного купчину и, конечно, согласился тотчас. Из кибитки люди вынесли молодого малого с черной бородкой, красивого и глазастого. Даже очень красивого! Это первое, что не укрылось от внимания ревнивца-пандура. Зато этот красавец был совсем как пришибленный, и его пришлось внести и в столо-

вую.

Через полчаса самая дальняя из комнат была уже устроена, а в ней появились две кровати и все, что было нужно для неожиданных гостей. Молодой человек тотчас же лег в постель, все пуще жалуясь на левую ногу, а его отец уселся ужинать с супругами. И за один час времени удивительно полюбился купец липецкий и пандуру, и молодой барыне, потому что он оказался таким купцом, какие на редкость: все-то он видел, все-то он знал, обо всем мог рассуждать толково и занимательно.

«Живописец!» – думалось Карсанову.

После ужина и купец, и капитан настолько подружились и сошлись, что, когда неожиданный гость объяснил, что наутро двинется с ушибленным раным-рано, стало быть, след им проститься с вечера, – капитан заявил, что спешить некуда. Он предложил, напротив, послать в Кирсанов за тамошним знахарем, который пользуется большой славой во всем околотке, а к тому же и костоправ. Приедет он посмотреть ушибленного и первую помощь подаст, а там через день можно купцу везти сына и в Тамбов.

Аннушка изумилась любезности мужа, но сама ни словом не обмолвилась как хозяйка.

Старик Пастухов долго не соглашался, боясь беспокоить гостеприимных хозяев, но, наконец, согласился. Решено было, что он сам наутро съездит в Кирсанов за знахарем-костоправом и привезет его, а затем после первой помощи ввече-

ру или через сутки выедет с сыном в Тамбов.

Как было сказано, так и сделано. Молодой купец остался в усадьбе, а отец поутру поехал в Кирсанов. А пока старик должен был быть в отсутствии, к больному посадили Макарьевну. Долго ездил Пастухов, вернулся только к ночи, да вдобавок один. Знахарь был где-то в отсутствии, и обещали прислать его только через сутки.

А другой настоящий доктор, который не хотел ехать, имея опасно больного в Кирсанове, но которому он рассказал, в каком виде находится его сын, Бог весть чего наговорил. Напугал он купца – страсть и приказал прежде всего никак отнюдь не тревожить больного, не таскать с места на место, ибо главное дело спокойнее лежать.

Капитан был озадачен, не зная, что делать: оставлять или спроваживать гостей. Однако вдруг сразу обстоятельства совсем переменились. Макарьевна заявила барину на ушко, что молодого купца грех отпускать, что он в таком виде, что должен помереть. У него прямо антонов огонь, коли не «узрешиха».

– Что такое? – ахнул капитан. – Узрешиха?

– Так полагаю, Кузьма Васильевич.

– Антонов огонь не только слухал я, а и видел два раза в Турецкую кампанию. А вот узрешиху никогда. Что это такое?..

– Уж не могу, Кузьма Васильевич, сказать.

– Как не можете! Сами говорите, да не знаете – что. Зря

болтаете.

– Воля ваша, – заявила Макарьевна, ухмыляясь. – А я по совести и Бога ради, Бога бояся, не прогнала бы умирающего человека на улицу. Грех великий... Вспомните притчу евангельскую о болеющем.

– Какую?

Макарьевна тоже затруднилась объяснить, про какую она притчу напонила, но прибавила:

– Поглядите сами больного, на его ногу взгляните разок, и вас, знаю я, жалость возьмет, потому что у вас сердце золотое... Анна Семеновна даже говорит, что у вас сердце бриллиантовое. Вот теперь, говорит барыня, я бы обоих заезжих сейчас со двора сбывла, а мой Кузьма Васильевич, поглядите, возиться с ними будет по добросердию своему: их бы в три шеи, а он ласкать начнет.

Капитан, с которым супруга за последнее время была чересчур холодна в обращении, любил, когда Макарьевна передавала ему что-нибудь лестное, сказанное женой заглазно.

Капитан в хорошем расположении духа отправился в горницу жены посоветоваться, как быть.

Аннушка удивилась. Никогда муж не просил еще ни в чем ее совета.

– Как тут быть? Рассудим. Я как ты.

– Я не знаю, Кузьма Васильевич. Вы гостей не любите. А тут еще, как говорит Макарьевна, предсмертный гость.

– Это ничего, дорогая моя. Это Господь из милости к нам

послал такого гостя! – вдруг заявил капитан, будто решаясь высказать нечто, что хотел было удержать про себя как тайну.

– Из милости? Господь? – удивилась капитанша.

– Да, примета есть такая. Если в доме чужой покойник, неожиданный и неизвестный, то он якобы за хозяев помирает. Он как бы в зачет идет. И сами-то они, свои, стало быть, дольше проживут. Стало быть, я или ты дольше проживем.

Капитанша не ответила, будто «себе на уме». Понравилось ли ей услышанное или нет, было неизвестно. Но она мысленно сказала себе: «Если правда, что сказывала по секрету Макарьевна, якобы большой гость совсем загадка живая, то, конечно, надо его задержать. Любопытно, что из этого выйдет».

Макарьевна, вызванная тоже на совет, твердила одно:

– Грех. Грех. Вспомните притчу евангельскую.

«Да. Примета верная и хорошая. Чужой покойник в доме – благодать!» – думал капитан.

Иные люди, да в ином месте, да в иное время, без сомнения, при таких обстоятельствах, далеко незаурядных, постарались бы как можно скорей сбывать с рук подобных гостей, но капитан, супруга его и Макарьевна решили вместе совершенно обратно.

– Пускай у нас помрет, Бог с ним. Дело Богу угодное. Отпоем и похороним! – сказали они: капитан искренно, а капитанша и Макарьевна «себе на уме».

Сходил сам пандур поглядеть на молодого купчика и подивился. Молодец чудно очень дышал, будто собака, пробежавшая несколько верст. Не хватало только, чтобы он язык высунул и вывесил. Вид раненого был совсем жалкий, и, конечно, ему неделю, а может, и всего дня четыре остается жить. Может, Макарьевна и впрямь права, утверждая, что это узрешиха. Если капитан такого слова никогда не слышал, то все-таки опасное положение больного было несомненно.

«Может быть, у него все ребра переломаны, – подумал капитан, – Оттого и грудь болит, и вздохнуть не может».

Когда было решено, что Пастухов с сыном останутся в усадьбе, то старику просто сказали: «пока не оправится немножко молодец...» Сыну ничего не сказали. А сами хозяйка с приживалкой повторяли:

– Пока не помрет.

И все были довольны, но менее всех старик Пастухов. Он, конечно, благодарил, но имел вид растерянный от неудачи. Понятно, много любил он единственного сына, но дела его были настолько важны, денежные и торговые, что он на третий же день не усидел и, объяснившись с капитаном, собрался уезжать, препоручив сына добрым людям. А добрые люди, капитан и Макарьевна, горячо обещались купцу не отходить ни на шаг и всячески беречь больного и ухаживать за ним.

– И всего-то еще на каких-нибудь три-четыре дня ухода, – говорила Макарьевна. – Приедет старик через пять дней или шесть и попадет уж как раз к похоронам.

Старик Пастухов простился с сыном и уехал, а больной остался умирать в доме пандура. Макарьевна почти не отходила от него и сидела в кресле около его постели целыми днями, а ночью укладывалась спать на полу, подостлав матрац.

Капитан часто среди дня приходил посидеть с больным; но беседовать много было нельзя. Молодой купчик был слишком слаб и еле ворочал языком и все дышал, как борзая после погони за зайцем.

– Вот век живи, век учись! – думал и часто говорил жене капитан. – Узрешиха?! И не слыхивал.

Жена, однако, на это ни разу не отозвалась ни единым словом, а про себя думала:

«Дура Макарьевна. Нешто можно этак шутить. Скажи-ка вот кому это слово раза три, да повразумительнее, как раз и догадается человек».

VI

День за день прошла целая неделя. Старик Пастухов не возвращался, никакого доктора не присылал. Капитан начал даже тревожиться, не случилось ли чего с Пастуховым. Может быть, разбойники убили на дороге. Он передал свои опасения жене и Макарьевне.

Женщины отнеслись к этому безучастно.

– Нам-то что же? – сказала Макарьевна. – Мы и без старика свое дело сделали отлично.

– Какое дело? – спросил пандур.

Аннушка будто оторопела, а Макарьевна, улыбаясь, объяснила:

– Еще спрашиваете – какое? Выходили молодца его... Он скоро совсем поправится и может уезжать... Ну хоть через неделю.

Действительно, у гостя вряд ли были переломаны ребра, потому что он давно уже дышал как следует, и только слабость удерживала его в постели.

Конечно, капитану захотелось, ввиду выздоровления больного, поскорее сбить его с рук. Ревнивцу было неприятно иметь в доме даже хворого молодца и красавца. Жена видела купчика только раз, когда его перенесли из кабинета в постель, но теперь... Теперь «глупые мысли» одолевали капитана. Он за все это время, по давнишнему обычаю, всякий

день выезжал из дому на час и два и по хозяйству, и ради дозора в лесной даче, где участились за зиму порубки.

«Неужто за мое отсутствие жена решится навестить больного в его комнате?» – спрашивал себя ревнивец, но тотчас же отвечал себе, что это подозрение совершенно нелепо с его стороны.

Однако изредка Кузьма Васильевич на всякие лады заговаривал и беседовал с женой о больном, надеясь, что она по молодости и женской непонятливости проболтается и себя выдаст в чем-нибудь.

Но ни разу ничего подобного не случилось.

Однажды капитан прямо спросил вдруг у жены:

– А ведь, поди, любопытен тебе красавец молодец, что лежит у нас в доме?

Аннушка удивленно поглядела на мужа.

– Да и Макарьевна небось масла в огонь подливает. День-деньской о нем тебе живописует.

– Тут ли он, нет ли, мне совсем любопытствия нет! – сурово отозвалась капитанша.

– Ну... А все-таки красавец! – задорно вымолвил он.

– Не заметила.

– Как не заметила? Зачем душой кривишь!

– Удивительно! – воскликнула вдруг Анна Семеновна, как бы говоря сама с собою, а не с мужем. – Стало быть, встревнув всякого мужика, всякого холопа, должна дворянка разглядывать – красавец он или урод.

Капитан просиял, настолько эти слова были ответом на его помышления.

– Да, правда твоя. Купецкий сын...

– Лавочник! А отец его вольноотпущенный одной рязанской помещицы, – объявила капитанша.

– Он сам это сказывал? Макарьевне?

– Да... А вы спрашиваете еще, красавец ли?

И Аннушка, будто совсем разобиженная, надула свои маленькие и хорошенькие алые губки. Капитан полез целоваться, как бы прося прощения, но жена только позволила себя поцеловать, сама же дать поцелуй наотрез отказалась.

После этого объяснения прошло дня два, и капитан по-прежнему спокойно отлучался из дому, зная, что обычное, но глупое и непонятное женское любопытство в жене не существует и она не пойдет сидеть у постели «лавочника» ради того, чтобы с ним болтать. На третий день капитан проснулся ранее обыкновенного и тотчас, не будя жену, встал, оделся и вышел в столовую... Он был сумрачен. И немудрено было ему подняться не в духе. Он видел сон или, вернее, видел всякую чертовщину.

Ему приснилось, что больной купчик ходит по его дому, но не в длиннополом кафтане, а в генеральском мундире и, обняв, даже облапив его маленькую Аннушку, целует ее и говорит ей, указывая на него, капитана: «Наплевать нам на него! Он ведь собака на сене!»

Пуще всего волновало и злило Кузьму Васильевича это

выражение. Как могло такое присниться.

«Не в бровь, а прямо в глаз! А кто же этот неуч и дурак? Никто. Сновидение дурацкое. Стало быть, сам же он этокое на себя взвел, пока спал. Чудны сны бывают».

После полудня капитан, ввиду хорошей погоды, яркого солнечного дня с легкой оттепелью, развеселился, забыл о своем «дурацком» сновидении и предложил жене ехать кататься.

Аннушка заявила, что у нее голова что-то болит и будто знобит, что она предпочитает даже прилечь на постель...

Кузьма Васильевич даже встревожился, но затем, после уверений Аннушки и Макарьевны, что ничего худого нет, успокоился.

Яркое солнышко и чудный день все-таки тянули его из дому. Поглядев, как жена прилегла на постель и тотчас задремала, капитан вышел из спальни, а через полчаса уже выехал в своих маленьких саночках...

Среди снегу и леса, под золотыми лучами солнца, вдруг капитану представился золотой с белыми нашивками мундир генерала... генерала-лавочника, да еще говорящего с дерзкой усмешкой: «Собака на сене!»

И начало Кузьму Васильевича снова томить, как поутру, а затем начало что-то мутить и тянуть домой. Проехал он еще с полверсты и не выдержал... повернул лошадь и припустил обратно в усадьбу.

Чем ближе подъезжал пандур к дому, тем более проника-

ло в него особое чувство, какого он никогда еще не испытывал. Пожалуй, раза два в жизни испытал он его, но ведь при совершенно особых и иных обстоятельствах... Первый раз это было в первом сражении, когда еще он был девятнадцатилетним сержантом. Второй раз это было много позднее, при штурме Измаила под картечью, когда он увидел, что из полсотни ближайших офицеров и солдат он один двигается, мыслит, остальные валяются и страшно стонут или совсем молча лежат. Тогда Карсанов знал, какое в нем чувство бушует: страх, трусость.

А теперь почему же в нем то же чувство, тоже боится он до смерти. Кого? Чего?

– Предчувствие, что ли? – бормотал капитан. – Глупости! Нет. Стало быть...

И он не мог сказать, назвать, выяснить себе то, что смутно, как в тумане, представлялось ему... Едучи кататься, он все думал о жене, потом о больном, потом о старой Макарьевне и, вспоминая, вдумываясь, рассуждая, соображая, взвешивая, он будто собрал в кучу сразу многое и многое... Не десятки, а пожалуй, сотни всяких мелочей и пустяков. Слова, взгляды, недомолвки, улыбки... И еще что-то непонятное и неуловимое, что призраком завелось и живет в его доме...

– И не сегодня, не со вчерашнего дня, а давно! – бурчал он трусливо. – Ты видел и чувствовал все, Кузьма Васильевич, но будто не хотел уразуметь и себе самому толково доложить, себя самого о беде упредить.

Завидя свою усадьбу, старый пандур погнал лошадь и отчаянно восклицал вслух:

– Да что же это? Да как же это? Как же раньше-то... раньше... Почему сейчас прояснилось? Все чужое наружу полезло и в глаза бросилось...

VII

Оставив лошадь за воротами двора и приказав попавшему под руку дворовому мальчугану держать ее до его возвращения, капитан направился к заднему крыльцу...

Когда он вошел в людскую, то переполошил всю дворню своим неожиданным появлением и ради отвода глаз стал выговаривать за нечистоплотность в комнате, а затем прошел далее....

Но капитан не знал, что горничная жены уже видела его в окно и уже слетала предупредить: «Барин!»

Когда Кузьма Васильевич очутился в доме и прошел быстро в комнату больного, то нашел его одетым и сидящим в кресле. А поутру он был в постели. Капитан изумился, а купчик улыбался, глядя на него, да еще как-то странно, будто подсмеивался.

– Что же это вы? – спросил капитан.

– Что-с...

– Да вот... Были в постели, когда я выехал, а тут вдруг оделись и сели.

– Да-с. Слава Богу, могу-с.

– Можете?.. А-а?..

– Мне много лучше. Как-то даже сразу полегчало сегодня, – улыбаясь, сказал молодец.

– Стало быть, теперь сидеть будете? – угрюмо спросил

Кузьма Васильевич.

– Да-с, надоело лежать...

Пандур помолчал и, наконец, сурово вымолвил, сдвигая брови:

– Сидеть и в кибитке можно.

– Если прикажете, я соберусь... Я и так уже давно злоупотребляю вашим гостеприимством. Что делать, все задерживала узрешиха.

Особенно ли как произнес гость это слово, но капитан, мысленно повторив его, вспомнил другое слово, наименование: «узрешительница».

«Есть такая святая, – подумал он и тотчас же рассердился сам на себя. – Тьфу! Во всяких пустяках стал выискивать разные кивания на себя и жену».

Капитан прошел к жене и нашел ее по-прежнему на кровати; она дремала, но открыла глаза при его появлении. Он объяснил, что вернулся вдруг домой, беспокоясь тем, что она хворает.

– Я здоровехонька, – отозвалась Аннушка.

– Да? Ну, вот и наш купчик здоровехонек! Стало, пора ему и со двора долой.

Аннушка не ответила, смотрела равнодушно и рассеянно.

Но капитан стал объяснять жене все-таки, что так как молодца они выходили и он может уже двигаться, то нечего его удерживать.

– Ведь я призрел у себя умирающего! – горячился капи-

тан. – А если умиравший теперь вовсе не собирается умирать, то почему же его у себя удерживать и за ним ухаживать. Усадьба дворянская – не больница и не перевязочный пункт. Бог с ним совсем. Доедет теперь до Тамбова отлично и один. Так ли?

Но жена, ни единым словом не отозвавшись на все речи мужа, молчала и теперь.

– Что же ты молчишь? – воскликнул капитан.

– Что же я буду говорить, – ответила она. – Стоит того из-за всякого лавочника себя утруждать.

«Лавочник да лавочник! – сердито подумал про себя пандур. – Не опасно якобы и не сумнительно. А чем черт не шутит. Лучше спровадить...»

И он прибавил:

– Так я его спроважу... И сейчас... Ну его...

Аннушка не ответила.

И воин, побывавший во многих битвах со шведами, немцами и турками, распорядился по-военному.

Через два часа кибитка стояла у подъезда, а купецкий сын, нисколько не смущенный, благодарил чувствительно хозяина за гостеприимство и просил не поминать его лихом.

– Все это по воле Божией... Узрешиха! – говорил он, ехидно ухмыляясь и вместе с тем, как показалось капитану, будто облизываясь, точно кот, мышей наевшийся по горло.

– Против узрешихи не пойдешь, господин капитан! – было опять его последнее слово уже из кибитки.

«Типун тебе на язык!» – думал капитан, провожая глазами выезжавшую со двора кибитку. Не нравилось ему это дикийное слово.

Была барыня-капитанша весела и довольна, пока хворал в доме молодой гость, а Макарьевна о нем ей расписывала – и ждал пандур, что теперь жена, снова оставшись без забавы среди тишины и глуши леса, опять затоскует. Однако он ошибся.

Аннушка после отъезда гостя была еще веселее, прыгала, напевала и на все была согласна, кроме одного – целоваться с мужем.

Но через двое суток ввечеру в усадьбе произошло невероятное и поразительное событие, даже два события.

В полуверсте от усадьбы, среди полумрака леса, появилась и ждала тройка. В больших санях сидел тот же молодой купчик, но уже обритый, без бороды и усов, и хотя был он в простом полушубке и в бараньей шапке, но удивительно походил теперь на красавца князя Девлет-Ильдишева, любимца светлейшего вельможи. Вскоре в этом же месте появились две женские фигуры, одна очень маленькая и быстрая в движениях, а другая полная и грузная, едва ползущая по снегу.

– Слава Богу! – воскликнул поджидавший. Женщины сели в сани.

Молодец уселся на облучке около ямщика и... все исчезло!

И так исчезло, как только в сказках бывает!

Через час после исчезновения тройки лихих коней в усадьбе началось вдруг сильное движение, беготня, оханье и сущий Вавилон⁷. Барыни не было нигде... Капитанша пропала, как иголка. Оно, при ее маленьком росте, было бы, пожалуй, и немудрено, но здоровенная Макарьевна тоже пропала.

Старик пандур волновался, ничего не понимая, не зная, как объяснить шутку жены или прихоть... Хорошо ли в поздний час ночи отлучиться погулять на деревне! А здесь, в лесу, оно было и опасно... Вокруг и близко видали волков зачастую...

Обождая, обшарив все мышинные норки в доме, во дворе и в саду и вокруг усадьбы, капитан стал терять рассудок и вдруг побежал к речке, на прорубь, где брали воду для хозяйства.

«Ведь она все грозилась прорубью этой?!»

Пандур не соображал, что найти кого-либо, ухнувшего в прорубь, можно только весной, да и то не на самом месте, а ниже по течению. Он тоже забыл, что если его Аннушка и утопилась, то зачем же пригласила с собой под лед и Макарьевну.

Однако сама «правда» потихоньку стала приближаться к разуму старого ревнивца и стала выступать все ближе и яс-

⁷ ...*Вавилон* (Вавилон) – крупнейший город древней Месопотамии, столица Вавилонского царства (XIX–VI вв. до н. э.); символ шумного, беспорядочного, многоязычного мегаполиса.

нее.

«Может ли это быть?! Купецкого сына на капитана?! Ку-кушку на ястреба?!»

«Да и был ли он болен?»

«А хворость смертельная, что именуется узрешихой... Узрешихой, уз решительницей. Их уз! Брачных уз!»

Пандур, дрожа всем телом, вернулся в дом, прошел в спальню вероломной супруги и опустился грузно в кресло.

«Это самое, где сидела часто старая бестия!»

«Да! Это все она, старая. Все она...»

Все в спальне, будто подшучивая над барином-помещиком, начало вдруг подпрыгивать, плясать и вертеться. Все пошло ходуном. Кровать, стол, шкаф, стулья...

Старик закричал...

Прибежавшие на крик буфетчик и горничная увидели старого барина на полу и посинелого лицом. Горничная в перепуге бросилась звать людей, а буфетчик присел около барина на полу. Барин бормотал что-то и страшно глядел, а там задергал правой рукой без толку, но наконец толку добился... Рука дернулась сильнее, к самой груди, и он перекрестился.

Буфетчик перекрестился тоже и заплакал.

VIII

Был уже конец ноября.

В новом городе Екатеринославле, на постоялом дворе, уже месяц целый пребывала парочка проезжих: молодой красавец-офицер из армии князя Потемкина, а с ним его сестра, провожающая его чуть не до самой границы Турции, но едущая собственно к родственникам.

Это обстоятельство несколько не удивляло хозяина двора и других лиц. Удивительно же было только то, что приехала парочка и остановилась отдохнуть от дальнего пути, а живет почему-то уже две недели. А главное, все едут они, все собираются чуть не ежедневно, вещи укладываются и опять раскладываются. Будто малоумные или им не хочется ехать, а надо...

И так прошел, шутка сказать, почти целый месяц.

Действительно, князь Девлет-Ильдишев и похищенная им Анна Семеновна Карсанова приехали сюда и остановились, намереваясь пробыть двое суток. Но здесь в тот же вечер беседа их между собой, хотя и была последствием многих бесед в долгом пути, приняла совершенно неожиданный оборот. Как это случилось вдруг, они и сами не знали.

Во время всего пути иносказательно, всякими намеками радовали они друг друга и печалили. Все было ясно и в то же время не совсем ясно. А тут вдруг в Екатеринославле со-

всем незначай, или уж время пришло, – объяснились они напрямик. И оказалось, конечно, что они, не зная, знали все и только боялись ошибиться. Оказалось, что в пути они полюбили друг друга, неведомо кто кого больше.

И вот, оставшись еще на лишние сутки, потом еще на трое суток, потом на неделю, они живут уже почти целый месяц. Временами они на седьмом небе, а временами задумчивы и грустны так, как если бы были самые несчастные люди на свете.

– Хоть в гроб ложись! – восклицает часто князь Девлет.

– Да я лучше на себя руки наложу! – опять повторяет Аннушка так же, как и своему мужу.

Только теперь причина совсем другая.

Пустились они в путь, чтобы ехать прямо в армию. Аннушка с радостью согласилась бежать от мужа к кому и куда бы то ни было. Прихоть вельможи, заставившая Девлета разыграть целую комедию, отпустить усы и бороду, нанять ловкого старика в Тамбове для роли купца и отца – все это сначала испугало Аннушку.

Когда князь Девлет появился в усадьбе, то осторожно сошелся прежде всего со своей сиделкой. Но дружба и полное согласие между переодетым офицером и Макарьевной установилась тотчас же, так как Девлет подарил ей за хлопоты двести рублей вперед и обещал еще триста в случае удачи. Деньги, о которых старуха и мечтать не могла, получая пять рублей жалованья от капитана, и, кроме того, мысль, что она

будет стараться для именитого вельможи, с одной стороны, а с другой – для любимой и несчастной барыни, – заставили Макарьевну ревностно, ретиво и ловко взяться за дело.

Самое мудреное было не сокрытие тайны от старого ревнивца: несчастный вид ушибленного, фиолетовая нога и его удивительное дыхание затмили собою все, что могло бы при иных обстоятельствах броситься ему в глаза благодаря его подозрительности и известной доле хитрости. Впрочем, ревнивцы, в особенности старые, видят зорко за версту и ничего не видят под носом.

Самым мудреным оказалось успокоить, уговорить и убедить самое капитаншу, испуганную дерзостью предприятия, дальним путешествием к пределам Турции и в особенности одной мыслью – вдруг очутиться «предметом» святлейшего князя Таврического... В грезах это было дивом, счастьем... А наяву, в действительности, оно было трепетно, страшно даже, пожалуй, страшнее нырка в прорубь.

Однако когда при первой же отлучке мужа из дома Аннушка познакомилась с красавцем офицером, то дело представилось ей почему-то проще... Почти всякий день стала видаться она с Девлетом, но искусно и осмотрительно, так что муж ни единого разу не накрыл их. И со всяким новым свиданьем согласие и желание бежать с ним все крепло, а затем стало представляться даже простым делом.

После бегства и уже в пути Аннушка сделала в себе самой неожиданное открытие. Она поняла то, что сначала только

смутно сознавала, будто сама себя обманывая. Она поняла, что положительно влюблена – и с первого дня знакомства – в самого князя Девлета.

«А он? – спрашивала она мысленно и рассуждала: – Он и не догадывается... Он исполняет поручение своего начальника добросовестно и усердно, поэтому ему и на ум не приходит, что он сам может понравиться... Но после?.. Когда-нибудь? Может быть, он тогда иначе взглянет на нее... Макарьевна говорила: «Дело не в князе, вельможе. Дело в том, что это единственный способ стать свободной и счастливой в новом замужестве».

– Блажной вельможа оплатит вам тем, что освободит от старика супруга, – говорила ей старуха.

Правда, он всемогущ, а при таком положении дела, каково ее, расторгнуть брак даже легко. Карсанов женился на ней полуробенке, и хотя подобные браки бывают сплошь и рядом, но все-таки всегда брачующийся просит разрешения митрополита, а иногда и Синода. Капитан же ничего подобного не сделал. Следовательно, развод с ним, да еще при покровительстве Потемкина, самое простое дело. А так как прихотливый вельможа долго ее при себе не удержит, даст денег и отпустит, то она и выйдет замуж за кого пожелает.

В Тамбове пришлось ей поневоле расставаться с Макарьевной, так как старуха решила ехать опять в Москву, чтобы спрятаться от капитана. И ради себя самой, и ради сокрытия следов Девлета с Аннушкой. При прощании старуха

сказала: «Смотри ты, в сопровождаителя своего не втюрься!» И эти слова подлили масла в огонь. С каждым днем в пути она все менее и менее думала о вельможе, и когда думала, то только пугалась и ужасалась, а вместе с тем все «удивительнее» относилась к спутнику.

И вот, когда они прибыли в Екатеринославль, то она уже вполне ясно поняла, что просто была позарез влюблена в красавца князя Девлета. Но, на беду, она узнала здесь, что он точно так же без памяти влюбился в «крохотулю» и «пандурочку» вельможи и готов второй раз похитить ее. После искреннего обоюдного признания и первого пыла на седьмом небе молодые люди очнулись и стали рассуждать о том, как быть.

Положение было ужасное и безвыходное. Князь Девлет, конечно, не мог теперь взять прихотливому вельможе в полное распоряжение ту, которая стала ему дороже всего на свете.

Не везти ее к Потемкину, вернуться обратно в родные пределы, в Москву или Петербург – можно было бы прожить спокойно с полгода, ну, хоть год... А затем, конечно, будет Бог весть что... Погибель между двух врагов – и старого пандура, и всемогущего вельможи. Князь не простит такого поступка офицера и везде достанет. Руки его долгие... Не только из Москвы – из заморского края достанут они человека и перекинут прямо в Камчатку.

И вот влюбленная чета, безвыходно сидя в комнатах боль-

шого постоянного двора, ежедневно раздумывала и рассуждала, как быть, что сделать, чтобы достигнуть счастья.

– Я лучше сто раз утоплюсь, чем идти в «забавницы» старого вельможи, – рассуждала Аннушка в отчаянии. – Хорошо было менять Кузьму Васильевича на светлейшего... А тебя променять?.. Да на царя-салтана какого, и то не променяю. Надумай, как спастись нам. Надумай!

Но Девлет ничего надумать не мог.

Бежать вместе куда-либо и выйти в отставку заглазно, по прошению, невозможно. Светлейший догадается... Тогда он пропал... Поехать одному в армию и доложить, что не нашел он пандурочки? Тогда будет он в опале, а князь, ненавидящий всякие незадачи, еще пуще разгорится и пошлет в воронежское и тамбовское наместничество другого, даже двух-трех других посланцев... И что же они найдут и какой ответ привезут князю... Усадьбу пандура нашли, но уже бежала пандурочка с молодым купцом... С каким? Где он? Разыскать! А в Тамбове три лица знают, что был приезжий князь Девлет, который противно дворянскому обычаю ходил в недавно отпущенных усах и бороде. Эти три лица даже ему были полезны в розыске... Они же его и продадут, узнав, что Девлет их самих и князя обманул.

Ну, а если не пошлет светлейший князь разыскивать вновь пандурочку?.. Навряд! Но ведь сам старый пандур, энергичный и упрямый, будет действовать, будет искать жену, поедет в Петербург жаловаться самой царице. Сто раз в минуты

ревности говорил он это жене. И дело дойдет до слуха князя позднее. А разве может Девлет хлопотать о разводе Аннушки с мужем, когда похитил ее дважды – и у мужа, и у вельможи...

– Одно остается, – плакала Аннушка, – утопиться обоим.

Но Девлет находил, что это решение дела – бабье. Надо достигнуть счастья, а какое же счастье на дне реки.

Наконец однажды князь Девлет вдруг взволновался страшно... Голова его давно трещала от думанья и искания выхода из мудреного положения, и, наконец, в ней стало все как-то перепутано и темно...

А вдруг теперь сразу стало светло!

Он придумал, как избавиться от прихоти вельможи, как спасти дорогую Аннушку и в то же время, разведя ее с мужем при помощи всемогущего князя, назвать своей женой... Да, он дивно придумал!.. Если же выдумка и не удастся тотчас, то по крайней мере дело затянется на четыре или пять месяцев... А там что Бог даст!.. Прихоти светлейшего быстротечны...

Девлет передал и объяснил Аннушке свою выдумку...

Она ахнула, потом одобрила выдумку.

– Опасно! Страшно шутить с Потемкиным. Но что же делать! Другого спасения нет!

Так решила влюбленная чета.

IX

Тот же иноземный край, откуда летом выехал посланцем красавец князь Девлет за пандурочкой... Но белый снеговой покров, который окутал теперь всю Русь, здесь несколько раз ложился на землю и окутывал ее, но все напрасно... Золотое солнце так весело сверкает с неба и так поглядывает, будто смеючись, что за ночь все увернувший белый саван к полудню начинал будто плакать в три ручья... И каждый раз снег, желавший сделать из осени зиму, делал из осени весну.

Город этот побольше, но того же характера, с тем же смешанным населением... Дом, где помещался главнокомандующий, больших размеров, роскошнее убран, а зал, где всякое утро собиралась масса военных, свита, приезжие из действующей армии и приезжие из России, – большой, светлый с белыми колоннами под мрамор и в два света.

Однажды в толпе явившихся и ожидавших приема очутился и красавец офицер. О Девлете уже доложили светлейшему давно, как о вернувшемся из России курьере, но он, ожидавший быть принятым тотчас же, – ждал уже второй час.

Прошло и три часа... Прием кончался, а его, Девлета, князь не спросил. Вероятно, просто забыл... Наконец прием кончился. Офицер снова напомнил о себе чиновнику из канцелярии, заменявшему адъютанта, и тот, объяснив, что

уже докладывал князю о вернувшемся гонце, решился снова доложить.

– Пожалуйте! – вышел он из кабинета. «Помяни Господи царя Давида⁸ и всю кротость его!» – мысленно проговорил Девлет и в каком-то чаду страха и волнения переступил порог и очутился в большой комнате.

Светлейший сидел за большим письменным столом за кипой бумаг...

Девлет стал у дверей... Князь долго читал одну бумагу и наконец, бросив ее, вскрикнул:

– Иуды... Везде Иуды!.. Около Христа один за дюжину был Искарот, а около нее в Питере – дюжина в дюжине.

Затем князь, окинув комнату глазами, заметил какого-то офицера.

– Тебе что? – резко вымолвил он, не глядя.

– Вернулся сегодня, ваша светлость, и тотчас же имею честь явиться.

Князь между тем рассеяннo искал что-то глазами на столе.

– Вернулся? Откуда?

– Из российских пределов.

– Ну, хорошо. Что же?..

⁸ *Давид* — царь Израильско-Иудейского государства в конце XI в. – около 950 г. до н. э. Провозглашенный царем Иудеи после гибели Саула, Давид присоединил территории израильских племен и создал государство со столицей в Иерусалиме. По библейской легенде, Давид, в юности, еще не будучи царем, победил на поединке филистимлянского великана Голиафа, выстрелив в него камнем из пращи.

– Исполнив ваше поручение, я...

– Какое поручение? – спросил князь, найдя и просматривая листок с колоннами цифр.

– Вы изволили меня посылать...

– Тебя?.. Вас?.. Да ты...

Светлейший бросил листок на стол и присмотрелся внимательнее.

– Ай, батюшки светы! Девлет! – воскликнул князь. – Не узнал. Даже, по правде, чуть не забыл, что ты и на свете есть, то бишь – еси! Ну, здравствуй, Девлетка! Что скажешь?.. Я тебя, говоришь, посылал в Россию?.. Когда? Давно, знать...

– Летом еще... Но поручение мое было таково затруднительно, что я...

– Какое поручение?

Девлет удивился в свой черед.

– Вы изволили приказать разыскать в Воронежском и в Тамбовском наместничествах некую особу молодую, которую изволили встретить в степях Малороссии, путем...

– Что? Что-о? Ну, ну...

– Вот я ныне эту пандурочку самую...

– Что за околесная... Какая, черт, пандурочка? Что такое? Собачонка, что ли?

– Никак нет-с...

– А! Помню... Вспомнил... Караковая⁹! Киргизка, что мне подарил Нарышкин. Ну? Привел? Дошла благополуч-

⁹ Караковъй — темно-гнедой.

но?..

Девлет стоял, совсем разинув рот, но страшно волновался и почти тряся, как в лихорадке. Враг человеческий будто науськивал его отвечать князю:

«Точно так-с. Караковая. Привести не удалось. Околела в Кишиневе!»

Но вместо этого он выговорил через силу:

– Никак нет-с. Пандурочка – жена капитана пандурского полка Карсанова, кою вы приказали мне разыскать и доставить...

– Жена капитана? Доставить... Пандурочка? – заговорил Потемкин, растягивая слова и как будто с трудом соображая и припоминая вместе...

– В пути, на станции, в Малороссии... – начал было Девлет, но князь вскрикнул...

– Вспомнил! Вспомнил... Крохотуля!

– Так точно-с.

– Верно, верно. Помню. Как не помнить! Хорошо даже помню. Глазки такие... Ну... мышинные. Да и вся с мышонка. Помню... Прелесть... Ну, что же? Я приказывал, говоришь, доставить ее сюда ко мне?

– Так точно-с.

– Вот этого хорошо не помню. Да все равно...

– Вот-с я, по вашему приказанию...

– Ну? Доставил?

– Доставил... Дело было мудренное, ваша светлость... Но,

благодаря Бога, все удалось.

– Рассказывай. Что и как!..

Князь оживился и улыбался.

Девлет-Ильдишев передал подробно все свои приключения и хлопоты с самого начала поисков в Воронеже и до похищения пандурочки при помощи переодевания и всяких хитростей.

– Молодец! Ей-Богу, молодец! – воскликнул князь, добродушно смеясь. – Только на театре такое бывает... В балетах... А ведь я, Девлетка, не поверишь, забыл совсем... С той поры, что тебя послал, ни единого-то разу не вспомнил... Раз как-то вспомнил: где мой Девлетка? Куда провалился?.. Хотел у Попова спросить, да тоже забыл. А выходит, вон что... Ну, что же эта пандурочка – такая же шармантная?.. Рад буду... Ей-Богу, рад буду...

Девлет разинул рот что-то сказать, но поперхнулся, а затем, справившись, выговорил слегка дрожащим голосом:

– Опасаюсь я только, что вашей светлости будет неприятно узнать, что...

– Что такое?

– Капитанша Карсанова по-прежнему из себя пригожа, хотя малость и изменилась в лице от некоторой причины.

– Подурнела?

– Так точно-с. Малость.

– Отчего?

– От женских причин... Так сказать, от супружеских при-

чин...

– Что? Говори! Ни черта не понимаю.

– Она находится в таком положении.

– В каком? Больна? Печальна?

– В тяжелом положении.

– Да из-за каких причин?

– Супружеских... Ваша светл...

– Супружеских?..

Наступило молчание. Князь удивленно глядел на офицера, ничего не понимая, а Девлет в крайнем волнении все будто собирался что-то сказать еще и не имел духу вымолвить.

– Да хочешь ты или нет говорить толком! – вскрикнул наконец князь уже сердито.

– Капитанша Карсанова в настоящее время находится уже на пятом месяце. Вот посему... вашей светлости я и полагаю это обстоятельство...

– Батюшки-светы! – закричал вдруг Потемкин на весь дом и, вскочив с места, быстро подошел к Девлету. Молча постояв несколько мгновений пред офицером, он вдруг разразился громким, раскатистым смехом...

– Ой! Ой!.. Батюшки мои... Да что же... Ой!

Он двинулся, упал на турецкий диван и, продолжая хохотать, выговаривал через силу...

– Ой! Уморил... Ой, батюшки... Да как же... Да как же ты... Так зачем же!.. Ой, Господи... Ой!.. Умру...

Девлет стоял, несколько оживившись, бодрее и веселее

смотрел.

Наконец князь перестал охать и хохотать, отдышался, утер слезы на глазах и после нового конечного и краткого припад-ка смеха произнес утомленным голосом:

– Как же ты ее привез? Дурень. Ведь ты похитил у пандура наследника. Чужих жен воровать можно. А чужих детей воровать закон воспрещает. А?

Девлет молчал и едва заметно улыбался.

– Она, может, еще, пожалуй, с двойней. Я тебе указывал пандурочку привезти, а ты мне с ней еще парочку пандурчат прихватил... Ой, батюшки!..

И неудержимый смех начал снова душить князя.

– Ой, вот одолжил-то... Батюшки... Зови Попова... Надо ему рассказать... Этакое всем... Надо всем рассказать. Стоял свет и будет стоять, а этакое не бывало... Ай да похититель... Чужую жену с потомством увез... Для заселения Молдавии... Колонию привез! С партией переселенцев приехал... Зови. Зови... Попова зови... Ой, батюшки...

Девлет вышел, а князь снова раскатисто захохотал и лег на диван в изнеможении.

– Ой, умру!.. – слышал офицер чрез затворенную им дверь.

Х

Когда Девлет-Ильдишев привел Попова к князю и затем по его приказу снова рассказал все, «не забегая вперед», а как следует «по порядку», то снова в кабинете долго гудел смех.

– А? Каков гусь? Рассуди, Василий Степанович. Да ты пойми. Раскуси! – смеялся князь. – И мой, да и Господень указ зараз исполнил Девлетка. Да как же? Плодитесь и множитесь, указал Господь. Вон он, гусь лапчатый, и восхотел, чтоб это у меня в главной квартире армии и в моих именно апартаментах происхождение имело... А? Хорошо? Ай да поверенный... А я-то у него вышел, что в картах: король, дама сам-третей, а то и сам-пять.

И князь начал острить еще более резко, выдумывал невесть какие последствия от диковинного казуса, так что наконец не только Попов, но и сам Девлет невольно начал хохотать.

– Да, стоял свет и будет стоять, а второго этакого похитителя не приключится, – серьезно выговорил наконец князь, уж утомясь острить и смеяться.

– Это точно-с. Конечно, – отозвался Попов, улыбаясь. – Но виноваты вы, а не Девлет. Ведь, обыкновенно, изволите видеть, бывает на свете не так... Похищают люди чужих жен всегда сами и для себя... Ну, они при ближайшем знаком-

стве и сугубом внимании оплошать и не могут... Да и вольны – как им быть. А ведь тут все было по поручению и указу начальства... Ну, вот он в точности все и исполнил. Не его дело было рассуждать и в рассмотрение обстоятельств входить... противоречивых и неподходящих... Указано выше! И аминь! Ну, вот вместо любовного приключения и вышло, как вы изволите сказывать – король, дама сам-третьей... Или в некоем роде переселение народов!.. Этакое косвенное намерение колонизации Молдавии русскими выходцами, да еще близнецами...

Князь хотел было рассмеяться, но уже не мог, а только поморгал глазами.

– Да. Авантюр! Ну, что же?... Дай ему опять денег. Пускай опять путешествует... А ты собирайся тотчас же, Девлетушка...

– Куда прикажете? – робко вымолвил офицер.

– Куда? Еще спрашивает, гусь. Обратно, восвояси. Вези назад!

– В Тамбовское наместничество? – с дрожью в голосе произнес офицер.

– Понятно. Откуда взял, туда в целости обратно и доставь. А пред супругом извинись, скажи, виноват, обмахнулся... Однако шутки прочь... А ты, в самом деле, доставь ее до Тамбова, сам ее супругу на глаза не кажись, чтобы не убил, а в городе все-таки обожди, чтобы узнать, как все обошлось, а сам приезжай сюда... В другой раз я тебя, будь спокоен, жен

красть посылать не буду, а то ты, пожалуй, обезлудишь всю матушку-Россию и заселишь россиянами всю Турцию. Ну, марш... Доброго пути и удачи...

Девлет поклонился и вышел вон, а через несколько минут не шел, а бежал по улицам города. Лицо его сияло безмерным счастьем и восторгом.

А князь говорил между тем Попову:

– Ну, а не примет ее обратно пандур? Что тогда? А?

Попов развел руками вместо ответа.

– Что тогда делать с ней? Опозорена и погублена зря.

– Разведутся, а она выйдет опять замуж. Вы же пожалуете ей пятьдесят душ крестьян за беспокойство и на счастье, чтобы мужа другого найти...

– Радехонек буду. Хоть и без вины виноват. Дам сто душ!

В Новороссии земли дам.

– Но, однако, думается мне, что все обойдется. Старый пандур ее небось обожает, да и ради своего пандурчонка будущего смилуется. Да ничего с ней худого и не было. Только пропутешествовала капитанша. Может поклясться мужу, что была и осталась благоверной его.

– Так-то так... Если смилуется... Ну, а не примет, говорю. А?

Попов пожал плечами и молчал.

– А другой никто не захочет жениться на опозоренной, что у мужа увозили, да еще ему и назад доставили: нате, мол. Больше не требуется. Ведь тогда она на всю жизнь несчаст-

ная. Скажи-ка! А?.. Грех, так-то...

Попов все молчал, но вдруг рассмеялся по-прежнему звонко.

– Что ты?.. Что?

Попов выговорил сквозь смех:

– Женишь на ней... Самого...

– Кого?

– Похитителя...

Князь фыркнул и рассмеялся, но уже усталым смехом.

– По делам вору и мука, – сказал Попов, – то бишь женишьба. Не воруй даму сам-пят.

А между тем князь Девлет, пробежав несколько улиц города, вихрем влетел в дом, где остановился со своей Аннушкой.

Она, услышав его быстрые шаги, обмерла, хотела встать, идти навстречу и не могла.

– Все пропало... Требуется к себе... – выговорила она вслух...

Девлет вбежал в комнату, где она сидела, подбежав, схватил ее в объятия и начал безумно целовать...

– Что? Что? Что? – повторяла она, чуя, что все сошло благополучно.

– Приказал назад везти! – закричал он.

– Куда?

– К Кузьме Васильевичу твоему...

– Не хочу! Не хочу! Лучше смерть!.. – вскрикнула Ан-

нушка.

– Глупая! Ничего не смыслишь. Моя ты теперь...

И Девлет рассказал и объяснил все...

– Стало быть, все слава Богу? – спросила она.

– Понятно. Надо только скорее уезжать, а оттуда я отпишусь, что Кузьма Васильевич тебя не хочет принять... А там через полгода опять напишу, буду просить позволения из жалости на тебе жениться, из-за якобы совести. Сглупил сам и каюсь, мол...

– Ты так и сказал – на пятом месяце.

– На пятом! Что смеху было... А я думал, беда будет. А только смех был.

– Ну, слушай, милый, что я скажу теперь, благо, все слава Богу... Оно – правда.

– Что?

– На пятом – выдумка ради себя спасения, а на первом... Ну, понял, что ли, глупый?

И Аннушка подпрыгнула, повисла на шее князя Девлета и начала целовать его в губы, в глаза и по всему лицу.

– Надо скорее с глаз долой, а там хлопотать разводиться и венчаться! – радостно воскликнула она. – Ведь вот, Господи, судьба-то... Воровал ты меня по службе, по указу начальства, а уворовал для себя...

– Боюсь я... Вдруг раздумает и потребует он тебя к себе... поглядеть...

– Ну, подушку и пристрою... И сойдет. Да нос себе свек-

лой вымажу. Да буду душой петой сидеть и глаза тарашить. А то чесноку наемся, так чтобы всю его горницу насквозь продушить.

– Все лучше – скорее отсюда подальше.

И офицер снова побежал в канцелярию главнокомандующего, где тотчас же получил пятьсот рублей на дорогу, но при этом выслушал и неожиданное, поразившее его предложение Попова.

– Будут коли еще нужны деньги, – заговорил он, – напишите... Князь приказал выдавать, сколько бы ни потребовалось. А главное вот что, голубчик... Если капитан краденую жену отринет и вновь назад принять не пожелает, то ей надо хлопотать о разводе, а затем искать себе жениха и второго мужа... А когда она такового найдет, то князь ей пятьдесят душ подарит в приданое. Так решено. Будь вы человек усердный и понятливый, то вы бы такой оказии князю услужить и себя оправдать никак стороною не обежали бы...

Девлет не понял и попросил разъяснения.

– Да вот, взяли бы да сами и женились на этой пандурочке, приняв всю вину на себя... А то вот пронюхает пандур всю правду, бросится, пожалуй, в Петербург жаловаться, шуметь... Беременную жену увезли. Узнается тоже и «там», что князь посылал вас воровать пандурочку... Ему это все, да еще даром, без всякой пользы, неприятно... Все бы уладилось просто и сразу, если б вы сами повенчались с этой крохотулей. А что наследник будет у вас не собственный... что

за важность! Подумай-ка. Одолжить нашего князя – великая польза бывает. Он зло плохо помнит, а на добро памятен.

Девлет вздохнул, потупился и, опустив глаза, выговорил почтительно:

– Доложите князю, что все так точно и будет. Или капитан примет супругу обратно, да еще честно и кротко, либо она будет княгиней Девлет-Ильдишевой, а сам светлейший, подав помощь в деле развода, обещается быть посаженным отцом...

– И крестным отцом! – воскликнул Попов.

– Нет... Нет!.. – будто испугался офицер. – Этой чести я не прошу... Разве что после, для второго ребенка, настоящего...

– Верно! Верно... Да, впрочем, Бог милостив, старый пандур простит молоденькую жену. Вот вы тогда и в барышах полных... Усердие свое показали теперь же, а жертвовать собой не придется... Ну, с Богом в путь. А я доложу.

Когда Девлет выходил из комнаты, Попов, усмехаясь, крикнул ему вдогонку:

– А все-таки скажу: как это было недоглядеть и чужую жену увозить... с потомством...

Офицер, странно смеясь, отозвался с порога:

– На всякого мудреца довольно простоты.

XI

Прошло полгода... Был май месяц. Петербург только что начинал одеваться зеленью, но в саду Таврического дворца уже была настоящая весна в расцвете, пахло травой и листвою.

В самом дворце, казалось со стороны, происходит что-то необычайное, редкое, торжественное. Пиршество или празднество по случаю праздника дня ангела...

В действительности не было ничего особенного, а заурядное и ежедневное явление, к которому весь Петербург уже давно привык.

У светлейшего князя Таврического был простой прием... Но дело в том, что весь Петербург, а за ним приезжая Москва, а за ними и приезжая провинция от Балтийского моря до Черного, от польских пределов до уральских, заливали волнами стены дворца всемогущего вельможи... Все залы были переполнены военными и гражданскими чинами, где все перемешалось в яркую радужную толпу, где толкались рядом и генерал, и капрал, и сенатор, и регистратор земского суда, и купец в длиннополом кафтане и в бороде... А среди них и посланники, и дипломатические агенты, и гонцы разных иноземных государств, которые «искали» у светлейшего больше, чем у самой царицы.

Если она обещает что-либо, то прежде, чем решить, посо-

ветуется с ним: нужно ли? Если он что обещает, то прежде, чем решить, доложит ей, что так дело и след.

Прошел уже час, что Таврический все еще не открывал дверь своего кабинета...

Наконец из этой двери вышел Василий Степанович Попов и, смешавшись с толпой, здоровался кругом себя, кланялся или кивал головой. А вместе с тем он озирался пытливо, будто искал кого глазами.

Наконец он улыбнулся и двинулся к угольному окну, где стоял, стиснутый другими, молодой и красивый офицер...

– Князек! – позвал он. – Вас ищу, сударь мой. Еле узнал. У-у! Постарел, молодец! Да и давно, впрочем, не видались. Пожалуйте...

– К князю? – отозвался офицер, радостно удивленный.

– Вестимо... Дивитесь, что вас первого желает видеть Григорий Александрович. Что ж? По заслуге. Забыли, что я тогда сказывал, что он на добро, а не на зло сугубо памятен...

Оба двинулись к дверям кабинета, и Попов по дороге спросил:

– Как здоровье супруги?

– Слава Богу...

– А вашего... Ну, все-таки надо сказать: вашего... наследника? Или дочки, может быть...

– Только еще ожидаю таковых... Бог даст, чрез три месяца буду отцом...

– А тот-то... Ну, что прихватили тогда по недосмотру...

Пандурчонок?

– Тот, видите ли... Тот, как бы сказать... Уж очень заспешил на свет прийти... Ну, и...

– Помер. За отцом последовал...

– И не жил!

– Да. Вот что! Однако, надо сказать, что если он и не жил и, стало быть, не мыслил, а все-таки умно поступил.

Оба рассмеялись и вошли в кабинет князя.

Чрез полчаса, пока сотни гостей, сановников и просителей, и сильных мира, и маленьких людей терпеливо ждали, князь Девлет стремительно вышел от вельможи, радостный и сияющий с бумагой в кармане.

Светлейший наградил по-царски. Сто душ крестьян в Белоруссии, чин капитан-поручика и двести червонцев на будущий зубок будущих князька или княжны.

Вместе с тем он нес низжайший поклон светлейшего почти незнаемой им, но немало потешившей его княгине Девлет-Ильдишевой.

XII

Прошла неделя. В одном из переулков около Казанского собора, в небольшой квартире сидели в своей спальне муж и жена – князь Девлет и крошечная княгиня...

С ними, вероятно, случилось какое-нибудь несчастье, у них было, очевидно, какое-то горе. Князь сидел, опершись локтями на стол и сжимая голову в руках, как бы в страшной заботе, а то и в отчаянии. Она сидела у окна в кресле и грустно, не опуская глаз, смотрела на мужа.

– Да! Грех и мерзость... – выговорил он. – Все есть, все налицо... И убийство, и мошенничество, и обман, и подлость... Все есть... После этого всего – счастья в жизни не жди. Господь таких наказывает. Того дела поправить нельзя, мертвого не воскресишь... Я утешаюсь тем, что тогда жестокосердно поступил с стариком, действуя не для себя. Тогда я еще тебя не любил и того всего предвидеть, что приключилось, не мог. Но теперь... Вот это поступление с благодетелем, с человеком и вельможей, от коего я, кроме чести и ласки, ничего не видал, мерзко, подло и даже грех... Не уступить тебя ему и взять хитростью?.. Не удовлетворить прихоти, чтобы спасти свое добро, свое счастье? Пожалуй, даже следовало. И совесть молчала... А теперь... Получить награду от человека за то, что обманул и насмеялся над ним?.. Не могу и не могу...

И Девлет глубоко вздохнул, встал и начал взволнованно шагать по маленькой комнате взад и вперед...

– В десятый раз рассказываю тебе, – вымолвила княгиня. – Не ходи сам... Напиши, все расскажи и откажись от наград, от всего. А там убежим куда. На край света. Авось не разыщут... А если и разыщут по его приказу, то что же он сделает. Ты не его жену законную украл... Ну, в Сибирь сошлет... И там люди живут. А я так полагаю, что за чистосердечное признание и отказ от награды незаслуженной он оплатит молчком, а не мщением.

Наступило молчание. Князь походил еще с полчаса, волнуясь и вздыхая, и наконец воскликнул:

– Не могу... Решено! Укладывай пожитки, а я сяду писать...

– Слава Богу! По крайней мере, конец мучениям, – отозвалась она.

– И начало страхам! – прибавил он. – Да, он так не оставит. Он прикажет нас разыскать в Петербурге, а когда не найдут, укажет розыск по всем трактам почтовым. Да это что... Не сейчас, не теперь, так через месяц, ну, чрез полгода, ну, через год... а все-таки разыщет и угонит в Сибирь или засадит в Шлиссельбургскую крепость.

– Мне этого сердце не говорит... Да и беззаконие было бы это...

– Э-эх, бабы... Не знаешь ты ничего. А я сам на службе и знаю, что творится по воле сильных людей... Теперь вот

один в Шлиссельбурге уже второй год сидит за то, что он только... Ну, да что зря болтать!.. Решено – и конец. Укладывайся, а я мигом все на бумаге изложу. Сами выедем на Ригу, а письмо оставлю, чтобы подали светлейшему чрез три дня.

В тот же вечер бричка с верхом тройкой почтовых лошадей выехала в Нарвскую заставу. В ней были беглецы от гнева всесильного вельможи.

XIII

Когда после быстрого пути без остановок муж и жена очутились в гостинице среди чужих людей и по норову, и по языку, – в Петербурге, в Таврическом дворце, среди кипы бумаг, полученных в этот день, была бумага, краткая, испи-санная лишь на полутора страницах...

Вельможа, прочитав ее, перечел снова и, не обращая внимания на следующие за ней, встал и начал ходить по кабинету...

– Эй, кто там! – крикнул он наконец громко. На пороге появился молодой чиновник, недавно поступивший в канцелярию, сын родовитых дворян и крестник князя, которого он очень любил и отличал.

Князь взял со стола бумагу.

– Вот, Петруша... Снеси это Попову... Сам снеси и скажи, что я прошу прочесть, мне возвратить и прошу его совета, как мне поступить...

Когда молодой человек вышел, князь снова зашагал задумчивый, но нетерпеливо поглядывал изредка на дверь, из которой ожидал возвращения крестника и ответа.

Наконец этот снова явился с бумагой.

– Ну?

– Василий Степанович, – произнес он, улыбаясь, – прочи-

тав, сказали: «ах, аспид!»¹⁰ А затем приказали доложить одно слово: «наплевать».

– Наплевать?!

– Точно так-с!

– Что он? Спятил!

Молодой человек молчал.

– Так слушай ты, Петруша. И будь третейским судьей... Ты умница у меня. Рассуди.

И князь внятно, медленно, вразумительно прочел письмо князя Девлета, который кратко, но горячо и сердечно объяснял свой обман, двойной обман. Относительно первого обмана, говорил он, его совесть была и осталась спокойна, но относительно второго обмана совесть его возмутилась, он не имеет ни дня, ни ночи покоя. Поэтому он решил не принимать награды, не являться за ней в канцелярию и вместе с тем бежать от гнева вельможи на край света. Кончив, князь спросил:

– Понял?

– Понял-с. Прав Василий Степанович, что аспид. Совесть взяла!

– Молокосос! Да разве аспидов совесть берет когда? – вскрикнул князь.

– Иуду, предателя Христова, позвольте доложить вашей светлости, – и того совесть взяла, коли удавился. А Иуда хуже

¹⁰ ...Аспид – род ядовитых змей, в переносном значении – злобный, коварный человек.

всякого аспида...

– Верно! Умница... Ну, говори, ты бы что сделал?

– Словить да поучить примерно. Что же другое?

– Как поучить?

– Как вашей светлости будет угодно.

– Не хочу я этого. Вот что!

– Тогда уж, как сказывать изволит Василий Степанович: наплевать надо.

– Ни за что! – воскликнул князь. – Так не оставлю, а, напротив, примерно поучу всех других...

Молодой человек улыбался почтительно и наконец вымолвил нерешительно:

– Из-за ослушника одного да всем другим в ответ идти... Как можно! Ваша светлость всегда справедливы. А это было бы по пословице: Матрена стащила, а Алена за нее взвыла.

– Да вот погляди, как у меня все твои Алены если не завоют, то заорут...

XIV

Строжайший приказ светлейшего был исполнен нескоро, но в точности.

Всякий день при докладе князь спрашивал у Попова, разыскан ли Девлет-Ильдишев с женой, и каждый раз снова строго приказывал: весь свет насквозь перерыть и перешарить, но чтобы офицер с женой были найдены и доставлены.

И наконец однажды, чрез полтора месяца, Попов доложил, что беглецы арестованы около Риги и уже привезены в столицу...

– Что прикажете с ними?

– Завтра же ко мне пораньше притащи и его, и ее... Я с ними сам разделаюсь, собственноручно. Узнают они меня, да и вы все тоже...

Наутро, много ранее часа, когда обыкновенно начинался съезд и прием у вельможи, в Таврический дворец были доставлены в бричке, с солдатом на козлах около кучера, офицер и маленькая женщина.

Их привезли не в парадные апартаменты, а другим ходом, чрез частные комнаты князя, прямо в его спальню... Но князь уже давно поднялся, умылся и, покинув халат, вышел в кабинет.

Камердинер, любимец князя, явился и доложил:

– Девлет тут в опочивальне.

– Один?

– Нет-с... С женой.

– Со своей, стало быть, дражайшей половиной. Вернее сказать... с своей восьмушкой... И не дражайшей, а поди, теперь, дрожащей, – шутил князь.

– Это точно, ваша светлость. Даже смотреть жалко... Ей-Богу... Лица на них обоих нет... Белые, ошалелые. Просто я не знаю... Я бы вот... Вот пред Богом...

– Что?

– Уж не знаю... А я бы обратил гнев на милость.

– Потому, что ты дурак. А вот погляди, что я сделаю. Давай его сюда, а ей вели ждать.

Через несколько мгновений на пороге показался князь Девлет-Ильдишев, сильно изменившийся за малый промежуток времени со своего бегства и до поимки. Он похудел и к тому же был теперь бледен как полотно.

– Подойди, вор, лгун и обманщик, – выговорил князь тихо.

Офицер приблизился неверными шагами, потупившись, глаза были опущены, и он не видел князя, а шел на голос.

– Посмотри на меня.

Офицер поднял глаза, но глядел в сторону, на стену.

– На меня смотри! Прямо в глаза!

Через силу глянул несчастный в лицо вельможи и вострепелся...

– Поцелуемся...

И, обняв офицера, князь трижды расцеловался с ним.

– Честного человека мне не всякий-то день облобызать приходится, Девлетка... Ну, слушай. Первое твое дело, кто из нас вспомянет – тому глаз вон. А за второе дело – отказ от награды я тебе даю теперь чин капитана, а к прежней данной сотне душ накидываю пустопорожнюю землю в Новороссии да беру опять к себе для важнейших поручений, в коих со-вестливые люди нужны... Ну, вот...

Девлет упал на колени, не имея сил вымолвить ни единого слова.

– Полно. Вставай. Это честно заслужено. Тысячу человек поступили бы не по-твоему. Ты, братец, один на тысячу. Пока я жив, ты будешь при мне и мой самый доверенный... Ну, ступай, обрадуй жену...

Офицер поднялся и от счастья и восторга глядел как безумный...

– Да. Вот что еще... Крохотули твоей я видеть не хочу... Сначала было хотел... А утром ныне куражу не хватило. Все-таки... все-таки все мы грешные, слабые люди, человеки. Вот я и испугался, что меня вдруг завидки возьмут... Вдруг крохотуля опять меня сразу заморозит. Что тогда?.. Ну, стало быть, подальше от греха... И я тебе вот что скажу, ты обожди мне ее показывать... Вот когда она тебе парочку деток подарит, тогда смело кажи ее мне. Матерей семейств я глубочайше уважаю...

– Ваша светлость! – воскликнул наконец Девлет. – Тако-

му золотому человеку, как вы, то есть великодушнейшему в мире, может иной и дорогую, любимую жену уступить. Ну, хоть один на тысячу человек, да пойдет на это.

Князь улыбнулся, а потом рассмеялся.

– Полно. Неправда. По нашим временам такому, как я, то есть Таврическому князю, один на тысячу не уступит. Вот поэтому-то ты рабу Божьему Григорию и люб, что не уступил тогда даже чужую, не только свою...

Комментарии

Впервые – Исторический вестник, 1897, № 1.

Печ. по изд.: Салиас Е. А. Собр. соч., т. XXVI. М., 1901.